

О ГЕНЕЗИСЕ СУФФИКСА ПРИЧАСТИЯ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

Изучение категории "причастие", в частности, причастия будущего времени и его показателя в самом древнем состоянии и эволюция их на современном этапе имеет огромное значение для грамматического строя монгольских языков. Реконструкция древнейшей системы причастия будущего времени и его суффикса связана с большими трудностями. Весьма вероятно, что в монгольских языках причастия произошли от отглагольных имен существительных, возможно, что данная категория существовала уже в протомонгольском, но называлась и была ли она тогда "причастием", сказать в настоящее время пока еще трудно.

Недостаточно полное исследование категории "причастие", в частности, причастия будущего времени в монгольских языках, дает нам полное право еще раз проследить этимологию данной формы и ее суффикса. То, что исследователи монгольского языка как-то стараются обойти данный вопрос, ни для кого не остается загадкой, в виду того, что одна и та же форма на -х- обслуживает три разных разряда слов: причастие будущего времени, глагол будущего времени в изъявительном наклонении и инфинитив, что и является "камнем преткновения" для ученых. До сих пор в монголистике нет единой точки зрения по данному вопросу.

Настоящие противоречия в толковании лишь только одной формы вызваны, видимо, тем, что причастие в монгольских языках обладает некоторыми специфическими особенностями, присущими нескольким частям речи сразу: склонение как у прилагательных и существительных, наличие вида, времени, переходности, как у глаголов.

В терминологическом отношении настоящая форма называлась также по-разному: "то формой будущего времени причастия, то формой будущего времени изъявительного наклонения". Так, Г.Д.Санжеев отмечает, что относительно происхождения

будущего причастия и его суффикса сказать что-либо определенное пока что трудно², оно нуждается в более тщательном исследовании, поскольку оно в какой-то степени является дискуссионным³.

Причастие будущего времени в монгольских языках образуется путем добавления к основе глагола суффикса -х, например: ирэ "приходить, приезжать" + х = ирэх; хэлэ "говорить, рассказывать" + х = хэлэх; ява "ходить, ездить" + х = явах и т.п. Обычно оно обозначает действие, которое должно совершиться или имеет намерение совершиться в будущем. Образование формы причастия будущего времени в современном монгольском языке специфично: при добавлении данного суффикса после основ, оканчивающихся на согласные, перед суффиксом появляется гласный звук в соответствии с сингармонизмом. Подобное явление мы наблюдаем и в бурятском языке, с той лишь разницей, что соответствующие гласные добавляются после суффикса -х: гара+х+а "выходить", оро+х+о "входить", теэри+х+э "блуждать" и т.д.

Т.А.Бертагаев в своей работе "Морфологическая структура слова в монгольских языках" отмечает, что "большинство аффиксов имеет свои фонетические варианты, при этом никому неизвестно, какой из них является базовым, первичным или основополагающим. Вероятнее всего, что они равноценны и ни один из них не является вариацией другого. Это нечто фонетически неизвестное, реализованное в разных вариантах⁴".

Таким фонетически неизвестным, реализованным в разных вариантах и является рассматриваемый нами суффикс причастия будущего времени. Вариативность суффикса причастия будущего времени как в современном монгольском языке, так и в старомонгольском многообразна.

Суффикс -х /совр. монг. -ах, -ох, -эх, ух, -ех, -үх/; бур. -ха /-хо, -хэ, -хэ, -ху, -хү/; совр. калм. -х; ордос. -ха, -ху; дагур. -гү, гу; монгол. -гу /в тунжэньском говоре -го/; дунс. -ку /~ву/; басаньский -гу/ является, как мы указывали выше, показателем причастия будущего времени в монгольских языках. Современный суффикс причастия будущего

времени исторически восходит к *ku, -qu; *kui, -qui; *kup, -qip. Высокая валентность слов с данным показателем как в современных языках, так и в старомонгольском заслуживает большего внимания. Для этого мы приведем небольшие статистические данные о валентности формы на -х- в современных монгольских языках на примерах текстов, взятых из художественной литературы по всем трем языкам, входящим в монгольскую группу /халха-монгольский, бурятский, калмыцкий/.

Так, на 1 000 словоформ в монгольском языке приходится всего причастий - 73; из них прошедшего времени - 25; формы на -х - 40; причастий настоящего времени - 4; многократных причастий - 4. Другие формы причастий не встречаются. Текст взят из "Хэлхээгүй сүлд" Дашдоржийн Нацагдоржа /Монголын шилдэг өгүүлэгчүүд, Улаанбаатар, 1971, стр. 10-12/.

Бурятский текст дает нам следующие показатели: также на 1 000 словоформ приходится причастий: а/ прошедшего времени - 48; б/ будущего времени - 39; в/ настоящего времени - 3. Остальных форм причастий нет. Текст взят из рассказа Хонцы Намсараева "Тахуунай". /Бурядад уран зохиолшодой расказууд, Улан-Удэ, 1967, стр. 12-16/.

И, наконец, в калмыцком тексте приходится причастий: а/ прошедшего времени - 72; б/ будущего времени - 32; в/ настоящего времени - 0; г/ многократных - 7; д/ формы на -мр - 2. Остальные формы причастий не встречаются. Отрывок текста взят из романа К.Эрендженова "Һалан хадһл", Элст, 1972, стр. 7-10. Исчисляя валентность в процентном отношении, мы приходим к выводу, что в монгольском языке причастие будущего времени составляет 42,4%, в бурятском - 55,6%; в калмыцком - 27,8% на 1 000 словоформ. Наибольший процент по частоте употребления данной категории приходится на бурятский язык, затем - монгольский, и, наконец, - калмыцкий. Валентность рассматриваемой категории значительна, но что это? - грамматические омонимы, тождественные лишь материально или это совершенно разные разряды слов? На материальное тождество указывает один и тот же показатель /суффикс -х/, генезисом которого интересовалась целая плеяда ученых алта-

истов, но его этимология до сих пор не раскрыта. Приведем несколько гипотетических соображений по поводу этимологического родства тюркского суффикса с монгольским. "В прошлом суффиксы, также как и корни, указывал В.Л.Котвич, подвергались эволюции, она продолжается и в настоящее время, хотя темп ее несомненно замедлился⁵". Естественно, подобную эволюцию претерпел и наш суффикс.

Так, в периодизации монгольского литературного языка, А.Луvsандэндэв придерживается того мнения, что в грамматическом строе монгольского языка причастия, деепричастия, изъявительные формы глагола, система падежей оформились лишь только с середины ХУП в.⁶ На что мы можем указать, что впервые употребление причастий с данным суффиксом было отмечено в конце ХП в. и в начале ХШ в. в памятнике монголов "Сокровенное сказание". В старомонгольской письменности на основании исследования текста этого памятника были зафиксированы следующие суффиксы причастия будущего времени: -qui, -kui и -qun, -kun, наряду с -ku - для основы с передним гласным и с -qu - для основы с задним гласным⁷. Например: ...ede tabun koudiyen jerkelen saulju, nijiel musut ququlutqun, keeji okba "...посадила рядом своих пятерых сыновей и дала всем им по одной хворостинке, чтоб они переломили". / § 19, стр. 204/; Sünit buti čaoken. šira kuun kerun eruke čstoga-in, kekeer oroju, keeli mino wiliju, kekeen ino beeli-tur mino šinkeku bulee. - "Но каждую ночь, бывало, через дымник юрты, в час когда светило внутри /погасло/, входит, бывало, ко мне светлорусый человек; он поглаживает мне чрево, и свет его проникает мне в чрево". / § 21, стр. 204/; Qarurun, naral sarain kiriyer, šira noqai metu šicalaljaju qarqu bulee - "А уходит так: в час, когда солнце с луной сходятся, процарапываясь уходит, словно желтый пес". / § 21, стр. 205/.

Памятники квадратной письменности, относящиеся ко второй половине ХШ в. и первой половине ХIV в. также сохраняют в себе следы причастия будущего времени со следующими показателями: -qu(-ku), -qui(-kui) и -qun(-kun). Суффикс -qu /-ku/ употребляется в определительной, субстантивной и

предикативной позиции; суффикс - qui /-kui / в определительном и субстантивном употреблении; - qun /-kun / только в определительном употреблении. Последние две формы в современных монгольских языках вообще отсутствуют /- qun(i) , -kun(i) /. Установить различие этих трех формантов затруднительно, но существует мнение, что употребление причастных форм на -qu , -qui связано с категорией рода: -qu - для мужского рода, -qui - для женского рода⁸. Однако, исследователи "Сокровенного сказания" оспаривают данное положение "вряд ли есть основание считать, что употребление причастия на -qui связано с наличием женского рода, а причастия на -qu с присутствием в предложении мужского рода⁹, что не характерно для данного памятника. Основное отличие форм -qui /-kui /, -qu /-ku / состоит в том, что форма на -qui /-kui / менее употребительна в предикативной функции, нежели форма на -qu , /-ku /, а также реже выступает в качестве окончательной формы сказуемого и реже входит в состав составного сказуемого¹⁰. Надо отметить, что форма на -qui употребляется в предложении большей частью с самостоятельными существительными или же с прилагательными в ед.ч.¹¹.

Форма на - qun /-kun / употребляется в древнем языке исключительно как форма множественности¹², встречается она гораздо реже и функционирует в предложении в форме сказуемого и определения¹³: Merkidun ulus Selanke huruu suenide durbeju yabuqui-tur, bidan-o cериut durbeju yabuqun Merkid-i sueni-de-ku daruju durbeju daoulin talan yabuqui-tur, Temujin durbeju aisuqun irken-tur: Borte, Borte! keen unšiju yabuqui-tur, uciraju, Borte-ujin tede durbekun irken-tur bujuui.

- "Тюю же ночью и весь Меркитский улус в панике бросился бежать по течению реки Селенги, а наши войска ночью же гнали, губили и забирали в плен беглецов. Темучжин же, забегая навстречу бежавшим, все время громко окликал: "Борте, Борте!" А Борте как раз и оказалась среди этих беглецов. / § IIO, стр. 224/. В словаре Рамстедта форма причастия jabuqun дается как jabu-gan. Г.И.Рамстедт указывает, что йовин jowɣun / jowɣʰn / "пешком, пешеход"

jowɣɤn jowɣɤ "идти пешком" восходит к jabu - gan →
 jafa - ɣan . В современных монгольских языках ни тот, ни
 другой суффикс не встречается, возможно, что слова с одним
 из них пополнили класс слов с суффиксами - qu / -ku /, -qui
 / -kui /, а другие, - субстантивирываясь, или адъективирываясь
 /см. Йовхи "пешком, пешеход"/, перешли соответственно в су-
 щественные или прилагательные.

С фонетической точки зрения наше гипотетическое сообра-
 жение по данному предположению объяснимо. Исходя из этого фак-
 та, что в алтаистике существует мнение о происхождении при-
 частий от отглагольных имен существительных, оканчивающихся
 на - qun / -kun /, -qün / -kün /, типа: jawaqun , в кото-
 рых с течением времени происходят следующие фонетические из-
 менения. Конечный согласный -n, по утверждению Б.Я. Владимир-
 цова, чередуется в абсолютном конце слова с - i ¹⁴, обра-
 зуя при этом: jawaqüi , появление - i было подтверждено
 все тем же автором "среди гласных непервого слога, возник-
 ших уже в XIII-XIV в.в., существовал какой-то очень краткий
 гласный, который монголы на письме передавали при помощи
 u, i в словах с гласным заднего ряда или u, i в словах с
 с передними гласными" ¹⁵. В рассматриваемом нами суффиксе об-
 разовался двугласный -üi , -üi , в современных языках
 вместо них стоят одиночные долгие гласные:

уй - \bar{y} , \bar{y}
 уй - \bar{y} ¹⁶.

С течением времени -i на конце исчезал, исчезновение -i
 всюду влекло за собой удлинение впереди стоящего гласного;
 гласные u, ü стали долгими. Прежние суффиксы приняли фор-
 мы: -kun, qun → -kui, -qui → -küi, -qüi .

Ссылаясь на В.Л. Котвича, мы сможем объяснить вариатив-
 ность рассматриваемых суффиксов: -qun , -ɣun , -qün ,
 -ɣün и -kun , -qun , -kün , -gün , "где чередование
 q / x /, ɣ с согласными -k , -q совершается таким об-
 разом, что первые выступают в словах с гласными заднего ря-
 да, а вторые - с гласными переднего ряда" ¹⁷.

Гипотетическое соображение по поводу типологического

родства так называемого суффикса причастия будущего времени с самого начала различно.

Исследователи алтайской группы языков считали, что тюркские элементы: $-qı$, $-qu$ и $-qın$, $-qun$ находятся, видимо, в тесной связи с монгольским суффиксом причастия будущего времени: $-xu$, $-xü$, $-kü$, $-xun$, $-xün$, $-xui$, $-xüi$, а также бесспорным соответствием монгольскому суффиксу считали $-yu$, к их мнению после тщательного исследования пришел и Г.И.Рамstedт. По мнению В.Л.Котвича, данная точка зрения не выдерживает критики, поскольку тюркскому элементу $-yu$ должно было бы соответствовать в монгольском языке $-xu$ или $-ü$.

В.Л.Котвич не отрицает сопоставление данных двух суффиксов на фонетическом уровне $/-qu -xü -xu -$, но семантический уровень вызывает сомнение, так как тюркский элемент $-yu$ имеет больше глагольных признаков, чем суффиксы $-qu$ или $-qun$.

Важные для данного положения факты, утверждает В.Л.Котвич, ярко выражены в киргизском языке, где суффикс $-qı$, $-yı$, $-qu$, $-yu$ образует специальные формы со значением возможности¹⁸, которые даже изменяются по лицам. Вполне убедительно также мнение Д.А.Алексеева, заключающееся в том, что суффиксы $-xu$ и $-gu$ не должны быть объектом сравнения¹⁹. Интервокальный комплекс $-агу$, наличествующий в данных примерах /катагу/, в результате выпадения интервокального согласного "г", с последующим стяжением /ау/ и уподоблением, превращается в долгий гласный \bar{u} и является суффиксом, обозначающим качественный признак имени, а не глагола.

Семантическое значение тюркского суффикса $-qı$ и $-qu$ и монгольского суффикса причастия будущего времени $-ku$, $-qu$ различно. Тюркский суффикс выступает, во-первых, самостоятельно, во-вторых, входит в состав сложных суффиксов: $-qın$, $-qun$, $-qıs$, $-qus$, $-qur$. Они образуют от глаголов имена, которые выступают иногда в роли существительных $/-qı$ и $-qıs$ /, а иногда в роли прилагательных $/qın$ и $-qur$ /. Монгольский суффикс причастия будущего времени,

также как и тюркский, выступает в собственном значении и может входить в состав сложных суффиксов. Он является контаминантом некоторых суффиксов, в частности, имен прилагательных и деепричастий:

1/ целевого деепричастия на -хаар = аффикс причастия будущего времени -х / < ха/ + аффикс творительного падежа -аар,

2/ целевого деепричастия -хайа / < -хуйа/ ~ хая = показатель причастия будущего времени + форма древнешонгольского дательного-местного падежа -а / явахая = ja w a + хаі + а/ "с тем, чтобы идти/; в бурятском языке данный суффикс считается контаминантом суффикса причастия будущего времени -ха и суффикса безличного притяжания -яа, который придает аффиксу причастия будущего времени значение цели,

3/ деепричастия степени -хысэ = причастия будущего времени -хы / -хуй -/ и показатель предельного падежа -са / явахыса "по того, как идти"/;

4/ деепричастие на -халаар, где -ха- аффикс причастия будущего времени + аар - аффикс творительного падежа + л. Аффикс -л, по замечанию Т.А.Бертагаева, является загадочным по своему происхождению, и возможным рудиментом совместного падежа -луга²⁰,

5/ желательно-повелительного наклонения гтан /-ктан/ ~ -гтуй/ /ктуй/ ~ -гты/ -кты/ также состоит из аффикса причастия будущего времени -хуй ~ -ху ~ -х, который в силу регрессивной ассимиляции перешел в заднеязычный взрывной-к /орфографическое -г/ местоименный аффикс 2-го лица с собирательно-множественным значением: -тап / > -та/ ~ тоя ~ -тун и т.д.,

6/ -г- аффикс повелительно-желательного наклонения 3-го лица /от -хуй -суффикс причастия будущего времени/ перешел в абсолютном конце в -к /орфогр. -г/: оло-г "пусть найдет",

7/ видовой аффикс со значением неполноты действия, типа: уу-ха-т-ха также содержит в себе показатель причастия будущего времени.

8/ условное деепричастие с суффиксами хула /хуле/ состоит из показателя причастия будущего времени + аффикс соединительного падежа,

9/ в бурятском языке встречается форма на -хоо /орхихоо/, происхождение которой считается двояким²¹, с одной стороны, считают данную форму усеченным аффиксом орудного падежа /хоор, где -р выпал, с другой, причастие будущего времени с субъективным притяжением: /хо + ео = -хоо/.

10/ различные падежные формы причастия будущего времени.

- I Санжеев Г.Д. Материалы научной конференции по вопросам бурят-монгольского языка. Улан-Удэ, 1955
- 2 Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М., 1963, с. 131
- 3 Алексеев Д.А. Функции причастия будущего времени в бурятском языке. Вопросы филологии стран Азии и Африки. Вып. I. Л., 1971, с. 44
- 4 Бертагаев Т.А. Морфологическая структура слова в монгольских языках. М., 1969, с. 29
- 5 Котвич В.Л. Исследования по алтайским языкам. М., 1962
- 6 Лувсандэндэв Л. Хэл, зохиол судлал. IV боть, Улаан-Баатар, 1972, с. 20
- 7 Орловская М.Н. Употребление причастий в "Сокровенном сказании монголов". Сб. Филология и история монгольских народов. М., 1958, с. 101
- 8 Цитировано по М.Н. Орловской. Употребление причастий в "Сокровенном сказании монголов", с. III
- 9 Там же, с. II 2
- 10 Там же, с. II 2
- 11 Рамстедт Г.И. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, с. 90
- 12 Рамстедт Г.И. Там же, с. 90
- 13 Орловская М.Н. Указанное сочин., с. II 2
- 14 О чередовании n /j см. Б. Владимирцов. Сравнительная грамматика... с. 370
- 15 Указанное сочинение, с. 312-313
- 16 Котвич В.Л. Опыт грамматики. СПб, 1929, с. 18

- 17 Котвич В.И. Исследование по вьетнамским языкам. М., 1962, с.4
- 18 Указанное сочинение, с.300
- 19 Алексеев Д.А. Функции причастия будущего времени в бурятском языке. Сб. Вопросы филологии стран Азии и Африки. Л., 1971, с.40
- 20 Бертагаев Т.А. Морфологическая структура слова в монгольских языках. М., 1969, с.32
- 21 Алексеев Д.А. Функция причастия будущего времени в бурятском языке. М., 1969, с.43